

Энциклопедический отдел ИФИ
Санкт-Петербургского государственного университета

Серия
«АЗИАТИКА»

Т. И. Султанов

ЗЕРЦАЛО МИНУВШИХ СТОЛЕТИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА В
КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ XV–XIX ВВ.

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2005

ББК 66.3(54)

С 89

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения Российской Академии наук.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 04-01-16202д

С 89 Т. И. Султанов.

Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – 304 с. – (Азиатика).

ISBN 5-8465-0241-5

Монография посвящена исследованию исторической книги в ее рукописной традиции и отражает качественно новый этап в подходе к теме и ее разработке. Сквозная идея, объединяющая все главы работы: историческая книга — носитель информации и важнейший фактор культурной жизни средневекового общества.

Для историков культуры, востоковедов, литературоведов, историков-медиевистов.

Ответственный редактор В. В. Яковлев

Книга подготовлена к изданию Энциклопедическим отделом ИФИ СПбГУ.

ISBN 5-8465-0241-5

© Т. И. Султанов 2005.

© Филологический ф-т СПбГУ, 2005.

Введение

Широкая распространенность рукописной книги является одной из характерных черт средневековой мусульманской культуры. В эту эпоху благодаря активному сотрудничеству многих мусульманских народов арабографичная литература, создававшаяся на арабском, иранских и тюркских языках, переживала расцвет на огромной территории и по количественному составу достигла впечатляющих размеров. По приблизительным подсчетам арабиста А. Б. Халидова, общее число только арабских средневековых рукописей, когда-либо подготовленных, приближается к пяти миллионам, тогда как «ныне в мире существует около 630 тыс. арабских рукописей» [Халидов, 1985, с. 254–255]. Общее число дошедших до наших дней персидских средневековых рукописей, по определению иранистов, составляет не меньше двухсот тысяч [Стори-Брегель, 1972, с. 42, примеч. 67; Акимушкин, 1984, с. 10]. Сводных цифровых данных о сохранившихся тюркских средневековых рукописях нет, но, несомненно, их число достигает нескольких десятков тысяч.

Состав дошедших до нас мусульманских рукописных книг весьма разнообразен и охватывает все отрасли словесности, характерные для средневековой письменности, — религиозную литературу, научную, художественную и прочую. Значительную часть научной литературы составляют сочинения исторического жанра. Это вполне понятно. В эпоху средневековья история занимала важное место в системе знаний. Какими только достоинствами ее ни наделяли! Вот лишь некоторые образцы восхвалений по адресу истории, встречающихся в средневековых памятниках: история — это «наука почитаемая и достойная», «наука наук», «квинтэссенция знаний и сведений», «справедливый свидетель и мудрый судья»; история — «семя ума и ниша понимания, огниво опыта и путь славы, ровная почва идущего и опора разума, средство верного знания и правиль-

ного действия» [Хафиз-и Аbru, с. 12, 22, 23; Маджма' ат-таварих, л. 6а, 8а; Раузат ас-сафа, D 358, л. 4а–5б; Муджмал-и Фасихи, т. 1, с. 4; Тарих-и Наи'ма, т. 1, с. 4; Убайдулла-наме, с. 12].

История имела не только познавательное значение, читатели исторической книги искали в ней не только поучительный пример. К истории нередко обращались для оправдания злободневных интересов, подыскивая исторические или генеалогические обоснования, например, для территориальных притязаний и военных вторжений. В этом отношении характерны заявления Тимура относительно Хорезма, Чингизида Барак-углана относительно Сыгнака, а также обоснование Шейбани-ханом своих прав на трон Тимуридов [Шаами, с. 65; Зубдат ат-таварих-и Байсункури, л. 432б; Михман-наме, с. 145–146]. Практическое значение истории, связь истории и политики здесь очевидны.

Однако средневековая мусульманская историография не стала еще предметом всестороннего научного рассмотрения, и нерешенных, даже непоставленных вопросов, связанных с этой важной общевостоковедной темой, достаточно много. В отечественном востоковедении можно выделить следующие основные направления изучения средневековой мусульманской исторической литературы.

Исследования отдельных памятников в качестве исторических источников и изучение творческого наследия отдельных средневековых историков. Здесь можно назвать немало основательных, серьезных работ, выполненных на высоком профессиональном и методическом уровне (В. В. Бартольд, А. А. Семенов, И. П. Петрушевский, А. М. Мирзоев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. Н. Болдырев, Б. А. Ахмедов, В. П. Юдин, О. Ф. Акимушкин и др.).

Издание текстов и переводов отдельных памятников. Это направление — давняя традиция отечественного востоковедения, которая успешно развивается и в настоящее время. И все же количество изданных и переведенных текстов до сих пор незначительно по сравнению с числом рукописей, ждущих своих исследователей. И теперь еще можно повторить то, что писал В. В. Бартольд в 1912 г.: «В области востоковедения далеко еще не исполнена первоначальная задача каждой отрасли филологической и исторической науки — сделать доступными для исследователей, путем печатных изданий и переводов, главные литературные памятники и исторические источники; в жизни ученого мира каждое новое начинание в этом направлении составляет и теперь такое же событие, как четверть века тому назад» [Бартольд, 1912, с. 270]. Решение этой «первоначальной задачи» в области востоковедения в возможно более полном объеме затруднено рядом объективных причин. Подготовка критического издания текста и академически строгого филологического перевода

ценной в научном отношении рукописи в сочетании с обстоятельным исследованием публикуемого памятника и подробными комментариями к нему требуют многолетней кропотливой работы. Объем средневековой мусульманской литературы значителен, а круг квалифицированных специалистов по средневековой литературе и истории, которым доступен этот письменный материал, сравнительно ограничен, вследствие чего всестороннее изучение даже основных литературных памятников и исторических источников идет трудно.

Подготовка и публикация сборников, включающих переводы, — извлечения из разных восточных источников, содержащих материал по истории определенного политического образования и конкретной этнической общности. Это направление, блестяще начатое в отечественном востоковедении широко известными трудами В. Г. Тизенгаузена по истории Золотой Орды [Тизенгаузен, 1884; Тизенгаузен, 1941] и продолженное старшим поколением советских ориенталистов [Материалы, 1938; Материалы, 1939], в последние десятилетия приобрело традиционный характер [Материалы, 1969; Материалы, 1973; Материалы, 1988].

Составление обзоров и общих пособий по мусульманской исторической литературе, таких, как известная работа В. В. Бартольда «Историческая литература на персидском языке» (1926 г.) или недавняя публикация Б. А. Ахмедова под названием «Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.» (1985 г.). В трудах этого направления обзор письменных памятников строится обычно как перечень их в хронологическом порядке с указанием основной литературы и кратким пересказом содержания описываемых источников.

Каталогизация и описание рукописей. Здесь достигнуты значительные результаты, особенно в последние десятилетия. Среди работ на эту тему особо следует отметить описание рукописей ираноязычных исторических сочинений из собрания СПбФ ИВ РАН, выполненное Н. Д. Миклухо-Маклаем (1975 г.). Эта работа представляет собой не просто квалифицированное описание, дающее ясное представление о собрании одного из богатейших и интереснейших фондов ираноязычных исторических сочинений в нашей стране. В данном случае описание многих рукописей приближается к самостоятельному научному исследованию, вносит немало ценного в литературную историю отдельных памятников и, таким образом, в целом значительно раздвигает границы привычных представлений о характере работ подобного рода как чисто справочных.

Обозначенные выше направления имеют давно сложившуюся и устойчивую традицию в отечественном востоковедении. Накопленный опыт конкретно-

исторического изучения сочинений исторического жанра позволил нашим ориенталистам перейти с начала 70-х годов к качественно новому этапу исследования — к поэтапному составлению сводной работы по истории мусульманской, в частности арабской, историографии в средние века. Эта большая по объему и многоплановая по характеру работа была задумана и успешно ведется в Секторе Ближнего Востока СПбФ ИВ РАН. К настоящему времени опубликованы четыре монографии и очерк [Бойко, 1977; Бойко, 1983; Бойко, 1991; Прозоров, 1980; Грязневич, 1982, с. 75–155]. Суть нового направления изучения средневековой арабской историографии заключена в следующем. Арабская историография рассматривается как специфическая область культуры мусульманского мира, и арабоязычная историческая литература изучается не столько как отрасль научной литературы, но прежде всего как письменная форма выражения исторического сознания. В соответствии с этим главное внимание уделяется выявлению и учету лиц, причастных к формированию, накоплению и передаче исторического знания, установлению путей передачи исторических сообщений, преемственности в накоплении и развитии исторического знания. Проводимая петербургскими арабистами работа призвана «подготовить основу для всестороннего изучения арабской историографии как в ее литературном, так и в идеологическом и историко-культурном аспектах» [Грязневич, 1977, с. 6].

Автор настоящего исследования, оставаясь по своим основным целям в рамках последнего из названных направлений, тем не менее делает попытку наметить несколько иной подход к разработке темы, связанной с исследованием памятников арабграфической исторической литературы. Суть этого подхода заключается в следующем. Средневековая мусульманская историография понимается нами и изучается как целостная система, состоящая из трех органически связанных друг с другом, но внутренне автономных частей, а именно: «историограф — произведение — читатель». Каждая из трех частей характеризуется набором определенных признаков. Историограф выступает, во-первых, как творческая личность, подготовленная к той или иной форме литературного труда, во-вторых, он же в качестве историка является носителем известной историографической концепции и наследником историко-культурной традиции, в-третьих, его поведение как члена социального коллектива обусловлено его местом в обществе и связями с другими членами общества, что в конечном счете отражается на идеологической и политической концепции его произведения. Тем самым созданный им исторический труд, представляя собою прежде всего литературное сочинение известной формы, служит выражению общественной идеологии, а конкретные особенности этого труда являются результатом того или другого социального заказа. Читатель исторического труда также выступает активным уча-

стником литературного процесса. В качестве потребителя он оказывает влияние на такие стороны этого процесса, как цена отдельно взятой рукописной книги, количественный состав и литературная судьба исторических произведений. Но, будучи заказчиком, он может предъявлять историографу те или другие идеологические и политические требования, определяя тем самым в существенных чертах характер исторического произведения. Следовательно, историческая книга оказывается тем узлом, где три составные части «историограф — произведение — читатель» теряют свою разделенность и сливаются в нерасторжимое единство. И действительно, книга — продукт умственного литературного труда, книга — факт и одновременно фактор важнейших аспектов жизни современного ей общества, книга — объект литературного восприятия и усвоения.

Книга средневекового автора, которую мы сегодня держим в руках, воплощает в себе, таким образом, неисчерпаемую сокровищницу материала для самых различных изысканий. Необходимо, однако, правильно сформулировать исследовательские задачи, чтобы полностью извлечь те сведения, которые содержит этот материал, во всем их разнообразии и во всей целостности, а затем найти такую методику обработки, чтобы получить надежные результаты.

Исходя из сказанного, исследование, предлагаемое вниманию читателей, ставит перед собой задачу комплексного изучения сочинений средневековых мусульманских историков как особого литературного жанра в плане его генезиса, истории существования и функционального назначения. В связи с намеченными целями историческая книга будет рассмотрена нами в следующих аспектах: 1) создатели исторических трудов; 2) процесс создания исторической книги; 3) функционирование произведения во времени и смене читательских поколений — т. е. судьба рукописной исторической книги в культурной среде средневекового мусульманского Востока. Таким образом, нам предстоит проследить жизненный путь рукописной исторической книги, который может быть выражен формулой: создание — распространение — использование читателем — становление книги в качестве объекта науки.

При таком подходе к историографии в сфере внимания естественно оказывается не столько собственно текст сочинения средневекового историка как некий нарративный источник, но прежде всего текст как явление литературного, идеологического и историко-культурного порядка. Соответственно этому строится и структура работы. Она состоит из шести глав, связанных сквозной идеей: историческая книга — носитель информации и важнейший фактор культурной и идеологической жизни средневекового общества. Каждая из этих глав в пределах общей цели настоящего исследования призвана выполнять свою конкретную функцию.

Для решения поставленных задач в настоящей работе источниковедческому анализу подвергается основной фонд всех доступных нам ныне исторических сочинений XV–XIX вв., составляющих позднесредневековую региональную историографию Средней Азии и Восточного Туркестана. Выбор верхнего рубежа хронологической рамки продиктован тем, что в указанных регионах в XIX в. в целом завершается старая историографическая традиция, уходящая своими корнями к арабской историографии классического периода, хотя ее продолжение можно обнаружить у отдельных авторов XX в. Нижней границей является эпоха Тимура (1370–1405), когда в областях, подвластных среднеазиатским династиям, впервые после монгольского завоевания начинается новый подъем культурной и литературной жизни.

В качестве дополнительного и сопоставительного материала привлекаются — особенно в 3-й и 4-й главах настоящего исследования — также сочинения исторического содержания, написанные в Иране, Турции и Северной Индии в эпоху Великих Моголов. Общее число использованных в монографии письменных источников составляет более 100 произведений. Они будут так или иначе упомянуты, а отдельные из них получают развернутые характеристики.

Объединяя в одной книге весь доступный материал, мы попытаемся реконструировать систему теоретических воззрений мусульманских авторов на совершенный исторический труд и на обязанности историка, а затем показать работу средневекового историографа по практическому «деланию» исторического произведения. Средневековая историческая книга в ее рукописной традиции может быть адекватно воспринята только как результат деятельности людей другого времени и другой культуры, как продукт определенной, отличной от привычной для нас технологии. Поэтому исследуемый нами феномен — историческая книга средневековых мусульманских авторов — должен быть описан в терминах и понятиях, свойственных именно той культуре, порождением которой он и является. Соответствующие восточные термины и понятия приводятся и интерпретируются во всех главах монографии.

Summary

In his study, *History Books in Central Asia in the 15th—19th Centuries*, T. Sultanov investigates historical works and their manuscript tradition in the region of the time. His goal is an overview of compilations by Iranian- and Turkic-speaking historians in Central Asia and Eastern Turkestan, both their sociological and functional-morphological dimensions. Accordingly the author sees such books as: 1. products of intellectual literary effort; 2. at once a reflection of and contributor to the essentials of contemporary society; 3. an object of literary appreciation.

The study has an Introduction, six chapters, and a Conclusion. The Introduction sets out the reasons for the choice of subject and points out the objectives of it.

Chapter One details the factors which came to mold historical compositions in the Middle Ages, namely: the genre traditions of the historical science established long before the arrival of each particular work; the principles of composition; and customers' requirements for such books.

Medieval authors had a lot to say for historiography, particularly its vast didactic and cognitive capacity. Each volume was viewed from this twin perspective: 1. history as a treasurehouse of experience and a source of knowledge, essentially a school of morals for the elect and a study of life for the select exalted few; 2. historiography as an artistic endeavour chronicling acts by kingly persons, often enlivened by the chronicler's flights of fancy, and making for amusing reading and listening to by a vast and socially mixed audience.

For history to make its point and at once to entertain, those recording it should be morally equal to the task and be guided in the process by certain principles. But such avowed principles were not infrequently waived. Such professions, reconstructed by this book from works by 14th—19th century Moslem historians themselves, were quite significant in being embraced by the late medieval historiographers. They were actually

the gauge of historical works as well as shaped the values and literary predilections of the general reader.

The people who commissioned such books, that is offered ideas for the subject matter and thus stimulated the whole effort, came exclusively from the social upper crust, mostly from the royal dynasties. Their tastes rather than those of the authors were largely what the books actually were. Things laid down for the authors were: 1. the subject of a book; 2. its time span, or, ultimately, the type of book it had to be (general, religious, or dynastic history); 3. the lay-out of the book; 4. its language, this being specified in advance or being native to the customer; 5. the style; 6. written sources or a standard source; 7. the work's title; 8. and the genre.

But then again the authors had their say, too, after all. Working within a general framework prescribed by a customer, a writer, depending on his ability, generated one whole of all the ingredients available to him; in the event he employed all the collective experience and techniques in writing historical books, looking for forms to fit his particular objectives.

Chapter Two examines the problems of authorship and the professional and social status of such writers. At the time the idea of «authot» and «authorship» employed varying words, which may be grouped thus: 1. terms and words for self-identification; 2. terms and words for the authorship of a work penned by someone else. Either group normally was reflective of one's artistic effort.

A look at the material evidences that individual authorship was not the sole type of authorship in the literature under review. The problem here is as multifaceted as in any other medieval literature. It is true, though, that individual authorship was the predominant vehicle of expression for medieval Moslem historians. All the other types, like co-authorship, collaborations, ascription's, and spurious authorship, were few and insignificant.

By their expertise and experience the authors historical writings fall into two groups: 1. those whose work was an occupation, possibly to the exclusion of anything else: that is, professional historians; 2. those doing it at leisure rather than making a living at it: essentially amateur writers. The former were in the majority and chiefly in the employ of kings, members of ruling dynasties, or influential courtiers as their official historiographers. In their line of duty they broke down into several categories, each bearing a particular designation.

The historiographers were the major ideological advocates of the dynasties. In giving voice to the latter's needs they were at once prominent in high society politics. Patronage of historiographers and poets was deemed essential to state politics and dynastic concerns. Conversely, the scholars stood to gain from it themselves. Learning was not just a selfsufficing value but enabled ambitious and able individuals from the lower classes

to get on in the world. Their general and specialised erudition, as well as natural aptitude, brought them acceptance from the powers-that-be and qualified them to write official history: they were thus gaining in social status, with accruing material and moral benefits. This mutual interest led the khans, sultans, and exalted personages having no dearth of enlightened and gifted people from whatever social backgrounds.

Chapter Three goes into the sources of historical composition and the way the historians used them. Examination of their various categories trace them back to a uniform source: all the preceding literature or that contemporaneous with the author in three principal literary languages of the Moslem East — Arabic, Persian, and Turkic.

This tradition maintained to an important degree the cohesion of classical Arabic literature and early Iranian-speaking one in space and time. The continuity in storing and passing on historical knowledge fused the written testaments of various epochs into an information whole. Even with some of its elements inevitably missing through the circumstances of the Middle Ages, the aggregate information of Moslem historiography or the integrity of Moslem historical literature still remained intact. The reason is that: 1. later texts provide the titles or names of authors of some earlier works that did not survive; 2. we can glean some idea of the structure and thrust of some missing texts as described by Moslem historians themselves; 3. we can reconstruct the entire corpus of historiographic literature using quotations preserved by meticulous compilers citing the name of a source or its author's name.

The sources in question vary in language, time and place of origin, and type, but nearly always are narratives. Their numbers used by particular compilers differ, but this is no adequate gauge of the potential of a country where a particular work originated: the numbers only bear witness to the wealth or paucity of books in a locality which gave rise to a given opus, and thus offer only the most cursory idea of a historian's enterprise.

The bibliographies normally listed in the book's introductions were indeed, with quite rare exceptions, what the authors made use of. But whether or not an author had all the works he mentioned at hand is an open question. Attempting to identify the entire range of the sources each author resorted — or could resort to — is pointless. It is impracticable primarily owing to the way Moslem historiographers went about producing their books and passed on their information. This is dealt with in Chapter Four.

There were admittedly four principal book-writing methods:

1. An exposition of memorised tales and legends we might refer to as the *rivayat*, or narration, story, recounting.
2. Direct translation of volumes in other languages, which we might call *tarjama* (translation). This was mostly common to the Turkic-speaking historians.
3. Using distinct excerpts from books by forerunners and contemporaries who wrote in the same language and reshaping the material in coherent form, to be called *intihab*

(excerpt, extract). This was most peculiar to the Iranian-speaking historians of the Central Asia.

4. Last but not least, many historical books were composites combining in varying measure the intihab, tarjama, and rivayat, the end product being known as murakkaba, a composite work.

Normally such summaries employed a base source to build up on. What happened was that a historian started off in depicting each period and regal tenure by selecting from available sources one most suiting his objectives and copied out from it the things he needed. As he went along he consulted relevant chapters and sections in other sources, selecting additional material from some, citing other versions of an event or fact others, and offering reference matter or simply mentioning works from a third group. Starting on a new subject, even within the same chapter, the author again began by picking out a basic source, to be added to by others, and the whole thing went the same way. The result was that nearly each chapter in extensive composite works was a mixture of sorts, its plot derived from some source or other and padded out with complementary and ornamental pieces from many books, essentially interpolations of varying size and import.

Chapter Five concerns the technologies and culture which went into manuscript-making in Central Asia in late medieval times. The business was alternately ebbing and flowing but never folded. Whatever changed were its centres: in the 15th century it was Gerat, the Timurid capital, in the 16th century Bukhara, and in the 19th century Kokand. We learn that most of the manuscripts used to be rewritten in the regions of their origin. *Of the non-theological literature, works of poetry and history enjoyed the most cross-regional scope. The ways books circulated about were many, the trade in them manifestly predominating.*

Chapter Six is on the way historical works generally fared and were appreciated by their readers. There were certain pointers to this.

The primary indicator of a book's favor with successive generations of readers was its circulation in manuscript copy, which stand in direct relation to each other. Another gauge is how often a particular book was referred to or quoted from, along with appraisals of it by Moslem historians themselves. Finding out about reader reaction to a book depends a lot on whether it had later versions, redactions, additions and, not the least, its translations into other languages.

All these are dependable enough hallmarks of a literary work's progress in time, providing as they, among other things, quite a good idea of its fortunes in various periods in a literary milieu it was meant for; we also learn in this way of the places where the work enjoyed particular repute.

Winning readers' favour was often rough sailing: not only had a book to be readable and masterfully conceived and executed, it had to be blameless in terms of Moslem

morals to escape criticism of some heretical ideas or other. To gain readers' acceptance a book had to fuse captivating form and wealth of content with espousal of the literary tradition and prevailing morals.

As it happens, though, ideas counted only little with the readers. The books were indeed mostly texts portraying past events, the ideas, if any, continuing largely unexplored, successive historians failing to follow them up at all. For this reason any historically innovative works were scarce and patently unable to cultivate to any appreciable extent their readers' general and aesthetic attitudes to them. Nor could they affect their values, both aesthetic and ideological, conditioned by traditional historical works. So all such books in medieval times were preoccupied with fact alone, with readers reacting accordingly. No variety was sought by the historians themselves, or by their readers, for that matter: the difference with our time in this respect is most glaring.

In summing up the author recapitulates all his arguments why the narrative canon of Moslem historiography, whatever the attempts to vary its form and content, kept essentially unchanged throughout its manuscript tradition.

Содержание

Введение	3
Глава 1. И'лм-и тарих — наука истории и историческая книга.....	9
1. Взгляды позднесредневековых мусульманских авторов на предмет истории, ее функции и на обязанности историка	9
2. Побудительные мотивы написания сочинений	21
3. Заказчики книг; формы заказа; воля заказчика	34
4. Посвящения литературных трудов	42
5. Структура исторических сочинений	47
Глава 2. Авторство и авторы	59
1. Авторство и его виды	59
2. Социальный состав авторов исторических сочинений	66
3. Особенности средневековых представлений о профессии историографа	68
4. Придворный историограф	71
5. Историк-вельможа	81
6. Историк-любитель	87
Глава 3. Письменные источники исторических книг	93
1. Способы накопления исторических сведений	93
2. Авторские перечни сочинений и их виды	95
3. Авторские перечни и используемые источники (проблема соотношения)	124

Глава 4. Историографическое творчество	150
1. Способы создания исторической книги	150
2. Приемы компиляции, формулы ссылок	154
3. Историческая критика в трудах средневековых историографов	162
4. Воздействие внешних и субъективных факторов на историческое изложение	170
Глава 5. Рукописная книга: техника создания и распространение	180
1. Материалы и орудия письма	181
2. Оформление рукописной книги	183
3. Переписчик и особенности его работы	187
4. Пути распространения рукописи; владелец книги	194
Глава 6. Историческая книга и ее читательская среда	202
1. Читательская аудитория	203
2. Форма взаимодействия исторического произведения с поколениями читателей	205
3. Критерии оценки исторического сочинения у средневекового читателя	211
Заключение	225
Summary	229
Список сокращений	234
Цитированная литература	235
Источники	235
Исследования	244
Указатель имен	259
Указатель терминов	279
Указатель названий сочинений	286

Турсун Икрамович Султанов

**Зерцало минувших столетий
Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв.**

Технический редактор А. Р. Сумбатова
Корректор В. Ю. Щербина
Компьютерная верстка А. Р. Сумбатова
Художественное оформление С. В. Лебединский

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99 г. Подписано в печать 14. 06. 05 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 19.
Печать офсетная. Тираж 800 экз. Заказ № 1247.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие “Искусство России”».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.
Тел. 186-87-13, факс: 186-88-74.